Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 3 | ISSN: 2658-7734
New Media – New Communicants | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i3.768

Digital Agents of Family Memory

Denis S. Artamonov[1], **& Svetlana A. Shilova**[2]

Saratov State University. Saratov, Russia

Received: 29 March 2026 | Revised: 5 May 2026 | Accepted: 8 May 2026

Abstract

The article is devoted to the problem of transformation of family memory in the context of digitalization of society, when the processes of preservation, transmission, and interpretation of the past are increasingly transferred to the environment of digital platforms, social media services and online archives. Under these conditions, family memory ceases to be an exclusively private and intergenerational form of communication, but is included into the broader context of public representation, mediatization, and standardization of historical experience. This problem is of particular importance in relation to the memory of the Great Patriotic War, which remains one of the central foundations of cultural identity and collective self-understanding in modern Russia. The purpose of the study is to identify how digitalization is changing the forms of family memory and how these changes manifest themselves at the level of user-friendly commemorative practices, the platform organization of texts of memories and stories, as well as ways of public representation of the past. The paper shows that the digital environment not only expands the possibilities of preserving and distributing family narratives, but also significantly rebuilds the very structure of memory, transferring it from a live narrative mode to a platform-based, partially standardized and publicly accessible form. Based on the material of the platforms "Zhivaya istoriya" and "Bessmertny polk", it has been established that digital family memory develops in the logic of transition from narrativization to formalization. The proportion of extended family stories is decreasing, the role of short biographical notes is increasing, and the language of the texts is becoming more formulaic and less lexically diverse. It is concluded that the digitalization of family memory represents not only a technical change in the channels of storing the past, but also a profound transformation of its social and communicative forms. The article is addressed to specialists in the field of social philosophy, collective memory research, digital humanities, media studies, as well as to anyone who studies modern forms of representation of the past in digital culture.

Keywords

Digitalization of Society; Family Memory; The Great Patriotic War; Digital Memory; Mediatization of Memory; Collective Memory; Cultural Memory; Digital Platforms; Commemoration; Digital Humanities

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License
© 2026 Denis S. Artamonov, & Svetlana A. Shilova

1 Email: artamonovds[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-8689-1948
2 Email: sa_shilova[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-3625-6492

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 3 | ISSN: 2658-7734
Новые медиа – новые коммуниканты | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i3.768

Цифровые агенты семейной памяти

Артамонов Денис Сергеевич[1], **Шилова Светлана Алексеевна**[2]

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. Саратов, Россия

Рукопись получена: 29 марта 2026 | Пересмотрена: 5 мая 2026 | Принята: 8 мая 2026

Аннотация

Статья посвящена проблеме трансформации семейной памяти в условиях цифровизации общества, когда процессы сохранения, передачи и интерпретации прошлого все в большей степени переносятся в среду цифровых платформ, сервисов социальных сетей и онлайн-архивов. В этих условиях семейная память перестает быть исключительно приватной и межпоколенческой формой коммуникации, включаясь в более широкий контекст публичной репрезентации, медиатизации и стандартизации исторического опыта. Особое значение данная проблема приобретает применительно к памяти о Великой Отечественной войне, которая в современной России остается одной из центральных основ культурной идентичности и коллективного самопонимания. Цель исследования состоит в выявлении того, каким образом цифровизация изменяет формы существования семейной памяти и как эти изменения проявляются на уровне пользовательских коммеморативных практик, платформенной организации текстов воспоминаний и историй, а также способов публичной репрезентации прошлого. В работе показано, что цифровая среда расширяет возможности сохранения и распространения семейных нарративов, а также существенно перестраивает саму структуру памяти, переводя ее из режима живого повествования в режим платформенно организованной, частично стандартизированной и публично доступной формы. На материале платформ «Живая история» и «Бессмертный полк» установлено, что цифровая семейная память развивается в логике перехода от нарративизации к формализации: снижается доля развернутых семейных рассказов, усиливается роль кратких биографических записей, а язык текстов становится более шаблонным и менее лексически разнообразным. Делается вывод о том, что цифровизация семейной памяти представляет собой не только техническое изменение каналов хранения прошлого, но и глубокую трансформацию его социальных и коммуникативных форм. Статья адресована специалистам в области социальной философии, исследований коллективной памяти, цифровой гуманитаристики, медиаисследований, а также всем, кто изучает современные формы репрезентации прошлого в цифровой культуре.

Ключевые слова

цифровизация общества; семейная память; Великая Отечественная война; цифровая память; медиатизация памяти; коллективная память; культурная память; цифровые платформы; коммеморация; цифровая гуманитаристика

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0
© 2026 Артамонов Денис Сергеевич, Шилова Светлана Алексеевна

1 Email: artamonovds[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-8689-1948
2 Email: sa_shilova[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-3625-6492

Введение

Современное общество характеризуется глубокой цифровой трансформацией, затрагивающей не только технологическую инфраструктуру, но и базовые формы социальных и коммуникационных процессов. Цифровизация становится не внешним фактором развития, а внутренним принципом функционирования социальной реальности, определяющим способы производства и распространения информации. В этих условиях медиа перестают быть лишь каналом коммуникации и приобретают статус среды, в которой формируются социальные смыслы, идентичности и представления о прошлом.

Расширение функций цифровых платформ и сетевых сервисов приводит к изменению структуры общественных взаимодействий. Коммуникационные процессы становятся более распределенными, многоканальными и динамичными, а границы между частным и публичным пространствами размываются. Индивидуальные высказывания все чаще приобретают публичный характер, вовлекаются в процессы массового обсуждения и получают возможность широкого распространения. Это, в свою очередь, изменяет саму логику производства социального знания, которое формируется в новых институциональных рамках, создающихся в повседневных практиках цифрового общения.

Особое значение эти изменения приобретают в сфере работы с прошлым. Историческое знание и память в цифровую эпоху все чаще создаются, распространяются и интерпретируются в медиасреде, где сосуществуют научные тексты, архивные материалы, пользовательские нарративы и визуальные репрезентации. Прошлое оказывается включенным в непрерывный процесс коммуникации, в котором оно воспроизводится и переосмысливается в зависимости от контекста. В результате меняются режимы доступа к исторической информации, а также способы ее понимания, поскольку она становится частью повседневного цифрового опыта.

В этих условиях трансформируется и семейная память как одна из ключевых форм сохранения и передачи исторического опыта. Традиционно основанная на устном рассказе, личном взаимодействии и материальных артефактах, она все чаще переносится в цифровую среду, где приобретает новые формы существования. Социальные сети, онлайн-архивы и специализированные платформы становятся пространствами, в которых семейные истории предъявляются более широкой аудитории. Это расширяет возможности сохранения памяти, в то же время изменяя ее характер, переводя ее из интимного коммуникативного пространства в сферу публичного взаимодействия. Семейная память активно включается в платформенные инфраструктуры, трансформируясь из приватной межпоколенческой практики в публично организованный и технологически опосредованный процесс. В результате семейная память предстает как особая область, в которой наиболее отчетливо проявляется взаимодействие традиционных и цифровых форм знания

о прошлом. Это двойственное положение делает семейную память ключевым объектом анализа для понимания того, каким образом цифровые агенты участвуют в конструировании исторического опыта и трансформируют способы его осмысления в современном обществе.

Социально-эпистемические арены производства представлений о прошлом

В современных условиях представления о прошлом формируются в широком поле социально-коммуникационных взаимодействий, где производство исторически значимого знания распределено между множеством акторов. В этой перспективе прошлое предстает как результат постоянно возобновляющихся практик отбора, интерпретации, архивирования, визуализации и публичного признания исторического знания. Поэтому анализ исторической культуры сегодня требует обращения к понятию социально-эпистемических арен, т. е. к таким пространствам, в которых различные участники коммуникационных процессов вырабатывают критерии достоверности, режимы «опубличивания» и способы признания тех или иных версий прошлого общественно значимыми (Артамонов, 2022; Fuller, 2002; Goldman, 1999).

Такой подход опирается на более широкую традицию социальной эпистемологии, для которой знание является не исключительно результатом индивидуального познавательного усилия, а продуктом коллективных процедур верификации, институционального распределения компетенций и коммуникативного согласования. Уже в классической теории коллективной памяти было показано, что воспоминание о прошлом всегда зависит от социальных рамок, в которых определяется, что и как подлежит запоминанию (Хальбвакс, 2007, с. 25–26, 59). Исследования культурной памяти далее уточнили, что представления о прошлом приобретают общественную важность благодаря текстам, ритуалам, памятникам, архивам, музеям и репрезентациям в медиа, превращающим отдельные свидетельства в культурно и нормативно значимые формы памяти (Ассман, 2004, с. 169–175; Erll, 2011, p. 113–143). Однако в цифровую эпоху эти механизмы становятся более сложными, поскольку к традиционным институтам памяти присоединяются цифровые платформы, сетевые сообщества, алгоритмические системы сортировки контента и пользовательские практики получения распределенного знания.

В этом контексте продуктивной является трактовка социально-эпистемических арен как коммуникационных площадок производства исторического знания, возникающего в коллективных форматах работы профессиональных ученых, «умных толп» и цифровых технологий (Артамонов, 2022, с. 241). Существенно, что в данной модели историческая наука, существующая в парадигме цифровой гуманитаристики, смещает фокус с прошлого как недоступной и уже не существующей реальности к представлениям о нем, а потому исто-

рическое знание все больше сближается с исторической памятью. Это сближение объясняется тем, что и знание, и память формируются в многоканальном процессе коммуникации, где научная реконструкция, общественная интерпретация, медиа-репрезентация и пользовательское участие оказываются тесно переплетены (Hoskins, 2018).

Ключевой чертой социально-эпистемических арен является распределенный характер познания. Внутри них субъектом производства знания выступает научное сообщество и широкий круг заинтересованных участников, а также медиапосредники и технологические системы. В этом смысле арена представляет собой структуру, в которой знание возникает как результат разнонаправленных коммуникационных актов. Именно поэтому производимое в таких аренах знание оказывается одновременно социально прочным, поскольку основано на участии множества акторов, и эпистемически значимым, поскольку проходит через процедуры коллективного признания и общественного одобрения (Hutchins, 1995; Origgi, 2012; Шиповалова, 2019).

Социально-эпистемические арены производства представлений о прошлом функционируют по принципам, сходным с риторическими аренами, подчиненными логике медиа (Rodin et al., 2019, p. 237–238). Это означает, что в рамках одной и той же арены могут сосуществовать разные типы информации, разные способы повествования и разные режимы высказывания: научная статья, цифровой архив, пользовательский комментарий, мемориальный пост, видеосюжет, алгоритмически рекомендованный материал. Эпистемическая сила конкретной версии прошлого в таких условиях определяется как ее источниковой обоснованностью, так и успешностью ее распространения, жанровой адаптированностью, эмоциональной убедительностью и способностью быть встроенной в инфраструктуры цифровой публичности. В результате доверие к историческому высказыванию перераспределяется: наряду с институтами академической экспертизы начинают действовать маркеры платформенной легитимации, такие как видимость, повторяемость, вирусность, сетевое признание и визуальная правдоподобность (Fricker, 2007; O'Connor & Weatherall, 2019).

Существенной характеристикой социально-эпистемических арен становится также участие непрофессиональных акторов. Практики семейного архивирования, цифровой генеалогии, мемориального активизма и краудсорсингового описания прошлого создают новые формы гражданского исторического знания. Они расширяют состав субъектов, имеющих право на публичное высказывание о прошлом, и тем самым демократизируют историческую культуру. Вместе с тем такая демократизация не означает автоматического роста эпистемического качества. Напротив, расширение доступа к производству исторических нарративов сопровождается размыванием границ между исследованием, свидетельством, мнением, эмоциональной реакцией и идеологической манифестацией. Поэтому анализ современных представлений

о прошлом требует учета тех условий, в которых они приобретают статус общественно значимого знания.

При этом участие широких пользовательских масс в изучении и интерпретации истории не означает простого разрушения научных критериев. Скорее, речь идет о перестройке самого режима исторического познания. Цифровой поворот в гуманитарных науках усилил междисциплинарность, коллективный характер работы и социальное вовлечение, а научные поиски активизировали создание сетевых сообществ, объединяющих профессионалов и непрофессионалов вокруг создания знаний о прошлом. Такие сообщества существуют как формы гражданской науки, где краудсорсинг, цифровое архивирование, комментирование и совместная интерпретация превращают научное исследование в открытую коммуникативную практику (Гришечкина & Тихонова, 2018, с. 129–132; Dijck et al., 2018, p. 2–8). Вследствие этого социально-эпистемические арены выступают пространствами воспроизводства социального порядка (Couldry & Hepp, 2017). Применительно к исторической памяти это означает, что арены производства представлений о прошлом включены в более широкий процесс социального самоконструирования. Через них общество, описывая прошлое, согласует собственные идентичности, моральные и политические ориентиры, критерии исторической справедливости и допустимые формы коллективного «воспоминания».

Цифровые агенты производства представлений о прошлом

В цифровой среде производство представлений о прошлом осуществляется не только людьми и институтами, но и множеством посредников-нечеловеков (в терминологии Б. Латура), которые участвуют в отборе, форматировании, визуализации и распространении исторического материала. Поэтому социально-эпистемические арены истории следует рассматривать как гибридные конфигурации, где на равных с отдельными индивидами и социальными группами действуют цифровые платформы. Они выступают многослойными и многосубъектными инфраструктурами, которые активно опосредуют взаимодействие между различными группами пользователей и задают условия создания и видимости контента. Именно поэтому в историческом анализе важно учитывать «платформенность» самих цифровых сред, их программируемость, архитектуру и встроенные алгоритмы посредничества (Helmond & van der Vlist, 2019, p. 6–7).

Алгоритмы в этих аренах играют особую роль, поскольку именно они превращают избыточный цифровой архив в последовательность релевантных и эмоционально значимых репрезентаций прошлого. Как подчеркивает Р. Китчин, алгоритмы следует понимать как контингентные, перформативные и онтогенетические системы, чья работа раскрывается в конкретных контекстах применения и постоянно переопределяется в зависимости от среды, формата данных и целей (Kitchin, 2017, p. 3, 8). В свою очередь, Д. Бир показы-

вает, что алгоритм действует как социально нагруженное понятие, наделенное авторитетом точности, эффективности и объективности; именно это придает алгоритмическим решениям дополнительную легитимность в процессах классификации и отбора (Beer, 2017, p. 13–15). В применении к прошлому это означает, что цифровые агенты участвуют в установлении того, какие фрагменты прошлого будут сочтены значимыми, какие маргинализированы, а какие вообще не попадут в поле общественного внимания.

Наиболее наглядно это видно на примере «умных лент» в социальных сетях. Исследование Б. Якобсена и Д. Бира показывает, что функция Facebook Memories[1] возвращает пользователю старые публикации, автоматически участвуя в производстве воспоминаний через процедуры классификации и ранжирования. Авторы прямо связывают работу функции с алгоритмической таксономией прошлого, контент предварительно разбивается на категории, после чего алгоритм выбирает, какие именно элементы прошлого и в какой момент будут показаны конкретному пользователю. В этом смысле алгоритм не извлекает готовые воспоминания, а участвует в их онтологическом продвижении: через ранжирование он превращает отдельные фрагменты цифрового следа в «память», доступную для повторного переживания и интерпретации. Особенно важно, что, по замечанию авторов, именно эти механизмы становятся сегодня «средствами и механизмами, посредством которых прошлое встречается в повседневной жизни», причем они способны формировать биографические нарративы, даже когда пользователи ощущают несоответствие между алгоритмически возвращенным материалом и собственным опытом воспоминаний (Jacobsen & Beer, 2021, p. 51, 91–97). Следовательно, «умная лента» выступает в роли эпистемического агента, который перераспределяет ценность прошлых событий и подсказывает пользователю, что именно следует помнить.

Если в случае социальных сетей речь идет прежде всего о персонализированном биографическом прошлом, то на платформах короткого видео алгоритмические системы вмешиваются уже в производство коллективных образов прошлого. Так, в исследовании В. Г. Ричардсон-Уолден и К. Маррисон показано, что память о Холокосте в TikTok возникает как результат взаимодействия человеческих и нечеловеческих актантов, т. е. профессиональных институтов и организаций, занимающихся вопросами памяти, пользователей и цифровых технологий (Richardson-Walden & Marrison, 2024, p. 5). Авторы рассмотрели в качестве кейсов кампанию #WeRemember и документальную серию “How To: Never Forget”, придя к выводу, что производство представлений о прошлом здесь зависит в первую очередь от намерений создателей, но во многом и от алгоритмических принципов платформы, от того, как именно TikTok организует вовлеченность пользователей в распространение контента (Richardson-Walden & Marrison, 2024, p. 12). В результате цифровая платформа

1 Facebook принадлежит компании “Meta”, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ

оказывается соавтором публичного образа прошлого, она распространяет мемориальный контент, включает его в каналы вирусности, инфлюенсерской деятельности и алгоритмического управления. Тем самым коллективное прошлое встраивается в логику платформенного воспроизводства, где память должна одновременно быть исторически значимой и конкурентоспособной в борьбе за внимание.

Алгоритмическое посредничество особенно заметно и на видеоплатформах. Техническое описание системы рекомендаций YouTube показывает, что она построена как минимум на двух нейросетевых модулях: один отвечает за генерацию контента на основе пользовательской истории, второй за его ранжирование в соответствии с целевой функцией, ориентированной на охват аудитории и ожидаемое время просмотра (Covington et al., 2016, p. 191). Такая архитектура важна не только для маркетингового или развлекательного контента. В логике социально-эпистемических арен она означает, что исторические видео, документальные ролики, фильмы, лекции или псевдоисторические сюжеты получают неравные шансы на распространение уже на уровне базовой инфраструктуры выдачи. Иначе говоря, нейросетевой рекомендательный контур становится агентом селекции прошлого, он принимает участие в том, какие версии истории будут чаще встречаться пользователю, какие жанры окажутся более видимыми и какие способы рассказа о прошлом закрепятся как привычные.

Отдельную роль в создании образов прошлого играют инструменты нейросетевой визуализации, реставрации и анимации. В статье Р. Марселис о цифровой визуальной репрезентации раскрашенных саамских фотографий показано, что социальные сети становятся пространством, где оцифрованные архивы, практики колоризации, пользовательские комментарии и инструменты ИИ-анимации совместно производят новые формы репрезентации прошлого. Автор анализирует деятельность саамского колориста Пера Ивара Сомби, который находит старые фотографии в цифровых архивах, раскрашивает их и публикует на Facebook и Instagram[1], где они становятся центром обсуждения и влияют на конструирование коллективной памяти. Особенно показателен пример портрета молодой женщины, который был не только раскрашен, но и анимирован с помощью ИИ. В интерпретации Марселис этот мультимодальный жест фактически заново индивидуализирует и «оживляет» исторический образ, переводя его из режима исторического документа в режим аффективно присваиваемой памяти (Marselis, 2024, p. 13–15). Здесь цифровой агент уже не ограничивается сортировкой или рекомендацией, нейросеть вмешивается в саму визуальную ткань прошлого, делая историческую фигуру эмоционально ближе, современнее и, следовательно, более включенной в актуальные процессы конструирования идентичности.

1 Facebook и Instagram принадлежат компании “Meta”, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ

Еще дальше в этом направлении идут генеративные системы, создающие интерактивные исторические персонажи. В работе Б. ДаКосты рассматривается создание LLM-персоны Джозефа Листера, пионера антисептической хирургии, на основе системы генерации, дополненной извлечением данных с использованием GPT-4o. Исследование показывает, что такие системы способны поддерживать исторически стилизованный диалог, воспроизводить узнаваемый тон, словарь и историчность персонажа, а при тщательной настройке обеспечивать достаточно высокую степень достоверности. При этом автор отдельно подчеркивает, что даже удачная модель допускает временные сбои, приукрашивания и требует постоянной проверки, а потому должна рассматриваться не как прозрачный канал доступа к прошлому, а как новый медиатор, который конструирует исторический голос в границах заданного корпуса данных и интерфейсной логики (DaCosta, 2025, p. 19–22). В контексте социально-эпистемических арен это особенно важно, так как чат-агенты и «оживленные» исторические фигуры являются активными участниками популяризации истории, они меняют сам формат встречи с прошлым, переводя его из формы чтения и созерцания в форму диалога, симуляции присутствия и интерактивного соучастия.

Как показывает Э. Хоскинс, искусственный интеллект создает новые режимы памяти, в которых прошлое все чаще генерируется на основе цифровых архивов, корпусов текстов, визуальных данных и поведенческих электронных следов пользователей. Он описывает проект японской телерадиокомпании NHK, в рамках которого были записаны ответы на 900 вопросов 85-летней Ёсико Кадзимото, выжившей после атомной бомбардировки, после чего на их основе была создана ИИ-система, обученная распознавать исторический контекст ее свидетельств, в том числе темы войны, быта, пищи, одежды и выживания. Посетители «Мемориального музея мира в Хиросиме» могут выбирать вопросы, а проецируемое изображение Кадзимото отвечает так, как будто с ней происходит живая беседа (Hoskins, 2024, p. 8–9). Этот пример хорошо показывает, что цифровой агент уже не только выступает хранителем архивных свидетельств, а превращает прошлое в интерактивную и диалогическую форму, заново организуя опыт встречи с историческим событием. Тем самым искусственный интеллект выступает участником производства представлений о прошлом в социально-эпистемических аренах, поскольку именно через него историческая память получает новую форму присутствия в жизни людей, созданную на основе публичного действия.

Цифровые платформы, умные ленты, алгоритмы, нейросети и иные цифровые агенты следует рассматривать как полноправных участников производства представлений о прошлом. Их влияние проявляется как минимум на четырех уровнях. Во-первых, они определяют инфраструктурные условия обращения с прошлым, задавая форматы хранения, поиска и доступа к историческому материалу. Во-вторых, они перераспределяют видимость и значи-

мость исторических фрагментов через их классификацию, ранжирование и персонализацию. В-третьих, они вмешиваются в семиотическую форму прошлого, преобразуя архивные объекты через колоризацию, анимацию и генерацию синтетических образов. В-четвертых, они начинают моделировать сам голос прошлого в чат-интерфейсах и интерактивных персонажах, создавая новые режимы исторического присутствия и новые риски эпистемического смещения. Поэтому в современном исследовании коллективной памяти и исторической культуры вопрос о прошлом не может быть отделен от вопроса о тех цифровых агентах, которые делают его видимым, убедительным, эмоционально насыщенным и социально действенным.

Цифровизация семейной памяти

Семейная память долгое время воспринималась как та область культуры, которая в наибольшей степени сопротивляется цифровизации и медиатизации. В отличие от исторической памяти, связанной с архивами, музеями и публичной историей, семейные воспоминания традиционно опирались на домашние пространства, телесное соприсутствие поколений, устный рассказ, материальные реликвии и альбомную фотографию. Именно поэтому показательно, что исследования повседневных практик коммеморации в семье фиксируют особую ценность материальных памятных артефактов, они оказываются гетерогенными, эмоционально нагруженными, встроенными в семейный быт, поддерживающими разные режимы воспоминания. На этом фоне цифровые мемориальные объекты первоначально воспринимались как менее ценные для семьи, более абстрактные и хуже интегрированные в ее повседневную жизнь, поскольку они требуют специального акта доступа и нередко остаются «вне семейного поля зрения» (Petrelli & Whittaker, 2010, p. 153, 162, 165, 170). Тем самым семейная память действительно выглядела сферой, наиболее тесно связанной с домашним коммуникативным пространством и наименее готовой к переводу в цифровой медиаформат.

Однако в современных условиях эта память активно переходит в цифровую форму. Речь идет не просто о сканировании старых фотографий или хранении файлов на компьютере, а о более глубокой трансформации семейной памяти в медиапрактику. Цифровые технологии меняют способы фиксации, хранения, отбора, актуализации и повторного переживания семейного прошлого. Показательно, что уже на уровне домашнего опыта цифровые мемориальные объекты начинают пониматься как то, что нужно не только сохранять, но и специально проектировать в интерфейсах доступа, интегрировать в повседневность и делать доступным для совместного просмотра и обсуждения (Grønning, 2021, p. 734–744).

Одним из наиболее очевидных механизмов цифровизации семейной памяти стало превращение социальных сетей в новые семейные фотоархивы.

Исследование Д. Холлоуэй и Л. Грин показывает, что Facebook[1] все чаще используется как «виртуальный семейный фотоальбом», в котором семьи создают, распространяют и архивируют семейные воспоминания. Авторы подчеркивают, что при освоении этой платформы пользователи проходят стадии присвоения, повседневной рутинизации, объектного оформления архива и дальнейшей публичной репрезентации семейности; при этом сами изображения сохраняются в ленте и могут позднее спонтанно «оживляться» встроенными алгоритмами напоминаний (Holloway & Green, 2017, p. 351, 362-363). Здесь семейная память перестает быть домашним ресурсом и становится технически организованным архивом, одновременно частным и публичным. Характерный пример — публикация фотографий новорожденных, семейных праздников, отпусков и школьных событий в ленте социальной сети прежде всего для близких родственников, но и также для широкой сети контактов (Тихонова & Фролова, 2020, с. 82–84). Вместе с тем такая медиатизация порождает и новые напряжения, родители вынуждены обсуждать допустимость публикации изображений детей, а цифровой след ребенка формируется еще до того, как он сам получает возможность контролировать свое присутствие в сети.

Другой важный канал цифровизации семейной памяти связан с Instagram[2] и подобными платформами визуального контента. В этом случае семейное прошлое сразу оформляется как публично демонстрируемая семейная жизнь. Австралийские исследователи А. Барнуэлл, Б. Невес и С. Равн показывают, что социальные медиа радикально меняют способы существования и просмотра семейных фотографий, так как изображения, которые прежде помещались в альбом и просматривались внутри узкого круга, теперь снабжаются хэштегами, геометками, эмодзи, подписями и становятся доступными как родственникам, так и более широким аудиториям (Barnwell et al., 2023, p. 921–924). Это означает, что семейная память все чаще производится сразу как медиасобытие, где важным становится не только само событие (день рождения, поездка, встреча нескольких поколений семьи), но и его визуальная упаковка, подпись, эмоциональное кодирование и предполагаемая реакция аудитории. Платформа тем самым меняет саму структуру семейного воспоминания, оно формируется в логике дисплея, т. е. демонстрации семейности другим людям.

Не менее значима цифровизация устной межпоколенческой составляющей семейной памяти. Исследование Дж. Джонс и М. Аккермана показывает, что при географической и временной разобщенности поколений передача семейных историй смещается от непосредственного разговора к опосредованным формам коммуникации. При этом цифровые системы уже умеют фиксировать и хранить личные истории, но гораздо хуже поддерживают саму

1 Facebook принадлежит компании “Meta”, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ
2 Instagram принадлежит компании “Meta”, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ

сложную социальную работу семьи по передаче, уточнению и совместной реконструкции этих историй. Особенно важно, что авторы рассматривают семейную память как процесс совместного конструирования, где и рассказчики, и слушатели активно участвуют в выяснении, проверке и пересборке семейного прошлого. В качестве примеров они обсуждают онлайн-платформы для устной истории, такие как StoryCorps и LegacyStories.org, а также генеалогические платформы вроде Ancestry.com, где пользователи ищут родственников, задают вопросы и собирают семейную историю из множества разнородных источников (Jones & Ackerman, 2018, p. 1–2, 8). Тем самым цифровизация семейной памяти затрагивает саму коммуникативную ткань межпоколенческого конструирования воспоминаний.

Цифровизация семейной памяти также тесно связана с массовой оцифровкой исторических источников. По данным скандинавских ученых, исследователи семейной истории сегодня являются центральными фигурами цифровой экосистемы сохранения культурного наследия; они, пользуясь оцифрованными источниками, участвуют в их публикации, интерпретации и распространении. Авторы показывают, что семейная история все чаще строится как работа сразу с несколькими цифровыми платформами (государственными, некоммерческими, коммерческими и социальными), из которых пользователи составляют собственный «буфет» инструментов поиска, сохранения и обмена информацией (Roued et al., 2023, p. 188–190, 195, 199). Это означает, что семейная память выходит за пределы собственно семьи и ее коммуникационного пространства, становясь результатом платформенной навигации по оцифрованным архивам, базам данных и сетевым сообществам. Для создания семейной истории пользователи сочетают данные национальных архивных сервисов, генеалогических сайтов и социальных медиа, реконструируя биографии предков, уточняя родственные связи, встраивая найденные материалы в семейный нарратив.

Примером успешного использования мультимедийных архивов является проект “The Menorah of Fang Bang Lu” в Шанхае, в рамках которого еврейские семьи с помощью цифровой платформы восстановили свои истории. Этот проект позволил сохранить исторический материал и сделал его доступным для широкой аудитории, предоставив участникам возможность активно участвовать в процессе реконструкции семейной памяти (Jakubowicz, 2009, p. 96–99). Цифровые системы сохранения наследия, такие как онлайн-платформы для публикации историй и использования мультимедийных ресурсов, способствуют активному взаимодействию с содержанием архивов, позволяя создавать живые, многогранные версии исторических событий.

Цифровизация семейной памяти не отменяет ее интимный и межпоколенческий характер, хотя и радикально меняет формы ее существования. Семейное прошлое все чаще хранится не в коробках и альбомах, а в облачных хранилищах, профилях, лентах, чатах, цифровых архивах и генеалогических

сервисах, оно вспоминается не только через рассказ старших, но и через интерфейсы поиска, напоминания, комментирования и алгоритмической выдачи. Поэтому семейная память, считавшаяся наиболее удаленной от медиатизации, в действительности оказывается одной из наиболее интенсивно цифровизирующихся областей памяти: именно здесь особенно отчетливо видно, как цифровые технологии превращают воспоминания из домашней коммуникативной практики сохранения памяти о предках в распределенную медиапрактику отбора, демонстрации, архивации и совместной реконструкции прошлого.

Цифровизация семейной памяти о Великой Отечественной войне

Семейная память о Великой Отечественной войне (ВОВ) занимает центральное место в российском национальном сознании, поскольку она способствует сохранению исторического наследия и играет важную роль в формировании идентичности и моральных ориентиров у новых поколений. Она передается через личные рассказы, семейные архивы, фотографии и другие материальные объекты, оставаясь основой для культурной памяти и патриотического воспитания. Однако в условиях цифровой эпохи семейная память о ВОВ подвергается медиатизации и цифровизации, что открывает новые возможности для ее сохранения и распространения (Ивкин, 2020; Тощенко, 2020; Бараш, 2021).

Процесс цифровизации семейной памяти о Великой Отечественной войне активно развивается в последние десятилетия. Примером такого процесса является проект «Память народа»[1], который оцифровывает архивные документы, связанные с ВОВ, и предоставляет доступ к ним через интернет-платформы. Этот проект помогает сохранить важнейшие исторические документы, создавая возможность для пользователей активно участвовать в восстановлении и сохранении памяти о войне, добавляя семейные истории и фотографии своих родственников, участвовавших в ВОВ (Отрокова, 2020, с. 43–45). Таким образом, цифровые технологии превращают семейную память в доступный и динамичный ресурс, интегрируя ее в более широкий контекст исторической памяти страны.

Медиатизация семейной памяти о Великой Отечественной войне также проявляется через использование социальных сетей и цифровых платформ для создания виртуальных мемориалов. В социальных медиа создаются сообщества, посвященные ВОВ, где участники публикуют воспоминания о своих родственниках, фотографии и видеоматериалы, связанные с войной. Эти сообщества становятся важными пространствами для обсуждения и распространения семейных историй, поддерживая патриотическое воспитание и формируя новые формы коммеморации. Важно, что в этих виртуальных

1 См.: https://pamyat-naroda.ru/

пространствах память о ВОВ становится доступной для широкой аудитории, что помогает преодолеть временные и пространственные барьеры в передаче исторического опыта (Щипко, 2025).

Цифровизация семейной памяти о Великой Отечественной войне связана с переходом личных свидетельств, фотографий и архивных материалов в открытые онлайн-ресурсы, где семейные истории становятся частью более широкого мемориального пространства. К числу таких сайтов относятся «Я помню»[1], публикующий интервью и воспоминания ветеранов, «Календарь Победы»[2], «Живая история», представляющая собой информационно-просветительский интернет-портал[3], а также «Семейные фотохроники Великой Отечественной войны»[4], ориентированные на публикацию фотографий и материалов из семейных архивов.

Проект «Спасибо деду за Победу!»[5] представляет собой цифровую платформу народной памяти, созданную частным лицом (полковником в отставке, общественником и интернет-продюсером Владимиром Фоминым из Волгограда), на которой пользователи публикуют фотографии, документы и рассказы о своих родственниках – участниках Великой Отечественной войны. Его основная функция заключается в публичном размещении семейных военных историй в формате общего сетевого архива.

Стоит отметить и проект Министерства обороны РФ «Дорога памяти»[6], представляющий собой цифровую базу данных об участниках Великой Отечественной войны, которая позволяет пользователям загружать фотографии и сведения о своих родственниках, чтобы сохранить семейные истории в составе общенационального мемориального архива. Его смысл заключается в соединении личной и коллективной памяти через цифровую инфраструктуру публичной репрезентации материалов о войне.

Цифровизация также проявляется в таких проектах, как «Бессмертный полк»[7], где пользователи публикуют фотографии своих родственников, участвовавших в Великой Отечественной войне, а также делятся личными рассказами и воспоминаниями о них. Проект «Бессмертный полк» активно использует социальные сети для формирования коллективной памяти, вовлекая новое поколение в этот процесс через участие в шествиях, а также размещение фотографий и историй в интернете (Коробицына, 2022, с. 108-110). Эти цифровые архивы становятся важным элементом в сохранении памяти, так как они позволяют собирать данные о событиях войны через личные свидетельства, которые часто остаются вне традиционных исторических источников.

1 См.: https://iremember.ru/
2 См.: https://pobeda.elar.ru/
3 См.: https://xn----7sbfpkcaba0dcvcjgaj5ug.xn--p1ai/
4 См.: http://fotohroniki.ru/
5 См.: https://cpacibodedu.ru/
6 См.: https://1418museum.ru/
7 См.: https://www.moypolk.ru/

Другим наиболее заметным направлением цифровизации семейной памяти о Великой Отечественной войне становится использование технологий искусственного интеллекта. Сегодня ИИ все активнее участвует в реконструкции и репрезентации семейных историй о войне. Это означает, что искусственный интеллект выступает инструментом новой медиальной организации исторической информации. Показателен проект «Великая Победа»[1], представляющий собой виртуальный интерактивный музей, в котором материалы о Великой Отечественной войне переведены в цифровой мультимедийный формат. Объединяя архивные документы, интерактивные карты, 3D-модели техники, восстановленные с помощью ИИ фотографии военных корреспондентов и интервью с ветеранами, проект создает цифровую среду, в которой индивидуальные и семейные воспоминания включаются в более широкий контекст публичной памяти. В данном случае искусственный интеллект используется как средство визуальной реконструкции и усиления доступности исторического материала, благодаря чему память о войне становится более наглядной и воспринимаемой в цифровой среде.

Иную модель работы с памятью демонстрирует проект «Медведь говорит», в рамках которого создан фильм о Великой Отечественной войне, полностью произведенный с помощью искусственного интеллекта. Основанный на рассекреченных документах советской контрразведки, этот фильм реконструирует операцию «Медведь»/«Лесники», используя реальные архивные материалы. Его значение для исторической памяти заключается в том, что ИИ позволяет переводить сложный исторический материал в форму повествования, рассчитанного на современное цифровое восприятие. В результате война предстает как сюжет, доступный для нового поколения потомков через привычные им медиальные форматы.

Существенную роль ИИ играет и в расширении возможностей семейного поиска. Это особенно заметно в проекте нейросетевого поиска по газетам 1941-1945 гг.[2], реализованном Яндексом и Национальной электронной библиотекой. Объединяя более 200 тысяч страниц центральной, региональной, фронтовой и партизанской прессы, этот проект превращает массив исторической периодики в поисковый инструмент восстановления семейной и локальной памяти. ИИ здесь выполняет функцию интеллектуального посредника между пользователем и архивом, он упрощает поиск сведений о конкретных людях, событиях и местах, позволяя находить упоминания о родственниках и тем самым восстанавливая фрагменты семейной истории, которые ранее были практически недоступны.

Еще одно направление связано с адаптацией памяти о войне к новым формам цифровой коммеморации. Это демонстрируют проекты российской

1 См.: https://vov-pobeda.ru/
2 См.: https://yandex.ru/company/news/01-09-05-2025

финансовой компании «Сбер»: графическая и аудиоверсия стихотворения Александра Твардовского «Василий Тёркин»[1], созданная с применением искусственного интеллекта мультиязычная версия песни «День Победы», переведенная с помощью нейросети GigaChat на языки народов – участников войны, а также обновленная платформа «Бессмертный полк Онлайн», где после авторизации пользователь сразу видит своего героя в составе военной колонны, плечом к плечу с теми, кто воевал. Здесь искусственный интеллект выступает инструментом культурной трансляции, он помогает адаптировать тексты, образы и символы памяти к современным каналам восприятия и тем самым делает семейную память включенной в цифровую публичность. Особенно важно, что подобные проекты ориентированы как на сохранение, так и на передачу памяти, создавая новые формы в медиапространстве, в которых семейная история может быть воспринята, переосмыслена и эмоционально присвоена молодыми поколениями.

«Живая история» и «Бессмертный полк» как цифровые агенты семейной памяти

Всероссийская многофункциональная гражданско-патриотическая платформа «Живая история»[2] и цифровая платформа «Бессмертный полк»[3] могут рассматриваться как значимые агенты семейной памяти о Великой Отечественной войне. Платформа «Живая история» позиционируется как информационно-просветительский интернет-портал, ориентированный на вовлечение молодежи в изучение истории семьи и родного края через публикацию материалов, конкурсы и патриотические проекты. Платформа «Бессмертный полк», в свою очередь, прямо определяет своей главной задачей сохранение в каждой семье личной памяти о поколении, прошедшем через войну; формой реализации этой задачи выступает народная летопись на интернет-сайте, где пользователи могут создавать, хранить, дополнять и передавать семейные истории о фронтовиках следующим поколениям. В обоих случаях цифровая инфраструктура выступает здесь механизмом межпоколенческой передачи и коллективного воспроизводства семейной памяти о войне.

На сайте «Живая история» в 2014-2025 гг. был собран 9991 текст, авторами которых выступили школьники и студенты первых курсов. Тексты были исследованы методом сплошного автоматизированного парсинга открытых страниц портала с извлечением основных метаданных, после чего был создан единый корпус данных посредством предобработки, включавшей удаление дублей и стандартизацию метаполей. Для углубленного анализа из общего массива была сформирована целевая выборка объемом 602 текста, тематически связанных с семейной памятью о Великой Отечественной войне. Отбор осуществлялся

1 См.: https://www.sberbank.com/promo/vasiliy_terkin/
2 См.: https://xn----7sbfpkcaba0dcvcjgaj5ug.xn--p1ai/
3 См.: https://www.moypolk.ru/

в два этапа: сначала применялась автоматическая фильтрация по ключевым словам и рубрикам портала, затем проводилась ручная проверка содержательного соответствия. В итоговую выборку вошли только тексты, содержащие семейные нарративы о родственниках – участниках войны. Работы общего описательного характера исключались. Количественный анализ метаданных проводился на полном массиве (N = 9991), а лингвистический и семантический анализ – на целевой выборке (N = 602).

На платформе «Бессмертный полк» было исследовано 981 467 карточек за период 2012–2025 гг. Каждая карточка содержит сведения о конкретном участнике войны: имя, звание, место рождения и призыва, биографическое описание, фотографии, награды, а также данные о публикации записи. Для анализа этого массива данных были применены методы компьютерной лингвистики, статистики и машинного обучения, что позволило выявить в нем устойчивые содержательные и структурные закономерности.

Распределение конкурсных работ на платформе «Живая история» по годам отражает динамику мемориальной повестки (рисунок 1). После относительно высокого уровня участия в проекте в 2016 г. наблюдается постепенное снижение активности, затем кратковременный рост к 2020 г., новый спад с минимумом в 2022 г. и резкий подъем в 2023–2025 гг., где последний год демонстрирует наиболее высокое значение за весь рассматриваемый период. В целом распределение позволяет предположить, что интенсивность участия в проекте зависит от степени общественной и институциональной актуализации темы Великой Отечественной войны.

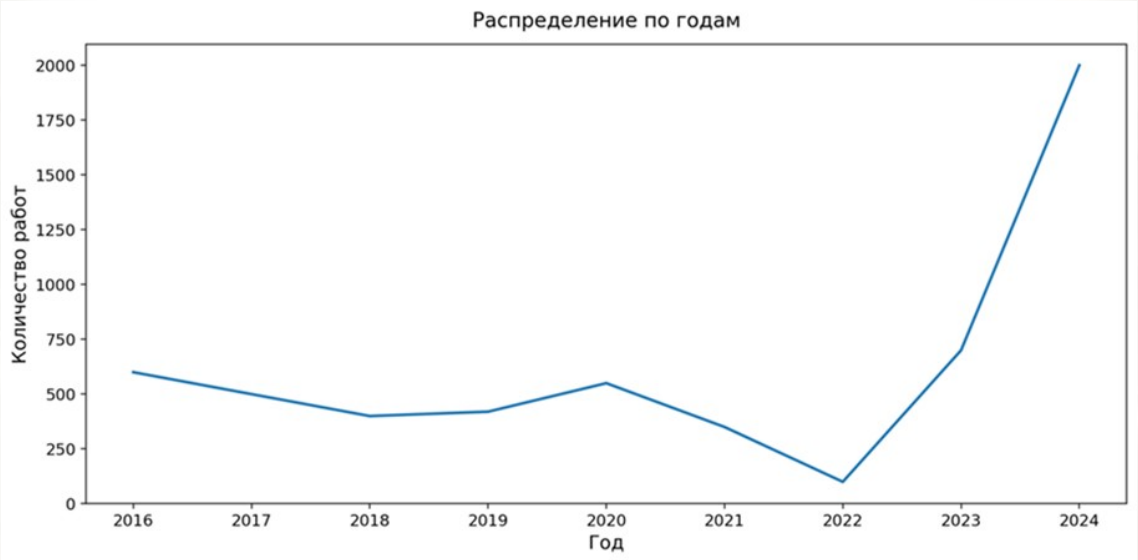

Рисунок 1. Распределение количества конкурсных работ по годам публикации на портале «Живая история» (N = 9991)

Figure 1. Distribution of the number of competitive works by year of publication on the “Zhivaya istoriya” portal (N = 9991)

Анализ динамики подачи карточек на платформу «Бессмертный полк» за 2012–2025 гг. также показывает выраженную цикличность мемориальной активности (рисунок 2). График имеет отчетливо пульсирующий характер, практически каждый год наблюдается резкий рост числа публикаций в апреле-мае, за которым следует быстрый спад. Такая сезонная структура напрямую связана с календарем коммеморации, поскольку основная волна пользовательской активности приурочена к празднованию 9 мая. Вместе с тем на общем фоне выделяются два особенно значительных всплеска. Первый приходится на май 2015 г., т. е. на 70-летие Победы, когда число поданных карточек достигло примерно 97 тыс. Второй, наиболее мощный пик, наблюдается в мае 2020 г., когда было опубликовано 248 299 карточек. Этот скачок связан с пандемией COVID-19 и переводом мемориальных практик в онлайн-формат; невозможность очного участия в шествиях сопровождалась резким ростом цифровой коммеморации. Тем самым платформа из вспомогательного инструмента подготовки к офлайн-акции превратилась в самостоятельную инфраструктуру цифровой памяти.

Рисунок 2. Распределение карточек по годам загрузки на сайте «Бессмертный полк» (N = 981 467)

Figure 2. Distribution of cards by year of upload on the “Bessmertnyy polk” website (N = 981 467)

Полученные данные подтверждают закономерности, выявленные на материале платформы «Живая история». В обоих случаях рост пользовательской активности приходится на юбилейные даты Победы и периоды усиления общественного внимания к теме Великой Отечественной войны, тогда как в меж-юбилейные годы интенсивность участия заметно снижается.

Анализ распределения авторов работ на платформе «Живая история» по половому признаку показывает выраженную гендерную асимметрию. Среди

602 текстов авторство женщин составляет 77,7% корпуса, тогда как доля мужчин равна 22,3%. Устойчивое численное преобладание женской аудитории позволяет говорить не о случайном колебании, а о структурной особенности данного массива. Такое распределение указывает на более высокую вовлеченность девушек в практики школьной и студенческой мемориальной деятельности. Вероятно, это связано как со спецификой самого проекта, ориентированного на создание текстов о семейной и исторической памяти, так и с более общей структурой гуманитарно-образовательной среды, в которой подобные формы участия чаще поддерживаются и воспроизводятся женской аудиторией. В результате цифровая репрезентация семейной памяти о Великой Отечественной войне в рамках проекта в значительной степени формируется через женский опыт письма, семейного рассказа и мемориальной рефлексии.

Это подтверждает и облако слов, составленное по текстам конкурсных работ проекта «Живая история». Преобладание женщин среди авторов проекта «Живая история» и высокая частотность слова «бабушка» в корпусе текстов позволяют говорить о значимой роли женского участия в сохранении и передаче исторической памяти о Великой Отечественной войне. В этих нарративах память о войне репрезентируется не столько через описание боевых действий или официальных событий, сколько через семейные отношения, заботу, повседневный опыт и устный рассказ. Именно бабушка чаще всего выступает посредником между прошлым и настоящим, через ее воспоминания молодые авторы получают первые знания о войне, осваивают семейную историю и связывают ее с общенациональной памятью. Ее образ объединяет функции хранительницы фотографий, писем и семейных архивов с ролью морального свидетеля, чьи рассказы передают не только факты, но и ценностные смыслы. В этом смысле женское участие оказывается ключевым не только для межпоколенческой трансляции памяти, но и для ее цифровой репрезентации. Как показывает А. Ридинг, забота о семейном архиве традиционно во многом возлагалась на женщин, и в цифровую эпоху эта функция не исчезает, а трансформируется. Женщины все чаще становятся создателями и кураторами цифровых семейных коллекций, инициаторами публикации архивных материалов и посредниками в переводе частной памяти в публичный цифровой формат (Reading, 2016, p. 32–40). Тем самым участие женщин обеспечивает не только сохранение семейной памяти о войне, но и ее включение в современные цифровые формы существования.

Анализ распределения текстов проекта «Живая история» по возрастным группам авторов с применением методики Flesch Reading Ease, предложенной Рудольфом Флешем, показывает, что ожидаемого усложнения и лексического разнообразия написанных историй с увеличением возраста авторов не наблюдается (рисунок 3). Напротив, медианные значения читаемости у младшей группы (≤14 лет) оказываются выше, тогда как у групп 17–18 и 19+ тексты в среднем более однотипны и легче поддаются стандартизации. При этом

группа 15–16 лет демонстрирует наибольший разброс значений, что указывает на внутреннюю неоднородность корпуса. Таким образом, зависимость между возрастом автора и структурно-речевой сложностью текста носит не линейный, а более сложный характер.

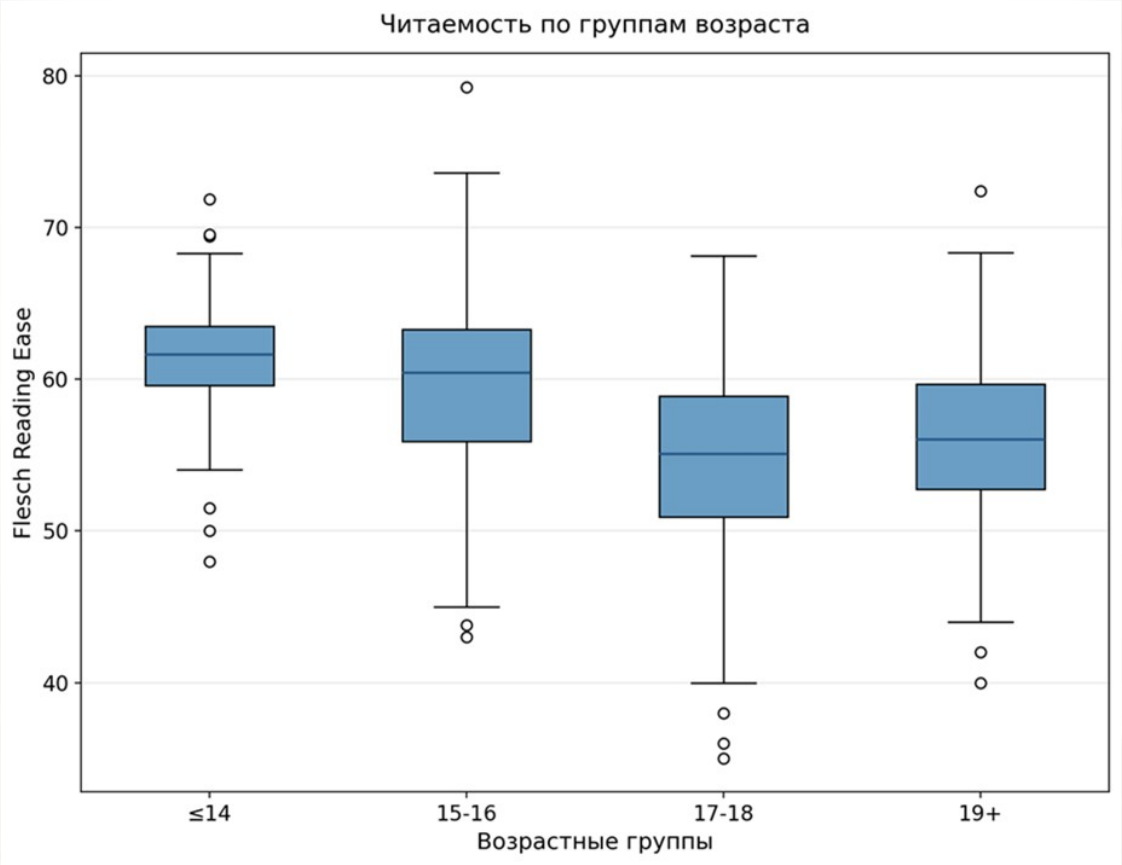

Рисунок 3. Распределение показателей сложности текста в проекте «Живая история» (Flesch Reading Ease) по возрастным группам авторов (N = 602)

Figure 3. Distribution of text complexity indicators in the “Zhivaya istoriya” project (Flesch Reading Ease) by author age group (N = 602)

Полученные данные позволяют предположить, что различия в уровне текстов конкурсных работ в разных возрастных группах связаны не столько с естественным ростом письменной компетенции, сколько с особенностями практики создания конкурсных работ. В младших возрастных группах тексты, вероятно, чаще создаются при существенном участии взрослых, что отражается в их большей композиционной выстроенности и стилистической оформленности. В старших группах, напротив, заметнее проявляется тенденция к формализованному выполнению задания, нередко сопровождающемуся использованием шаблонных или компилятивных стратегий письма. В результате тексты старших участников оказываются не более сложными,

а, напротив, более предсказуемыми по своей структуре и языковой организации.

Количественный анализ отобранного корпуса в 100 000 текстов сайта «Бессмертный полк» подтверждает и расширяет выводы, сделанные на материале проекта «Живая история». Результаты исследования позволяют зафиксировать и концептуально осмыслить процесс трансформации семейной памяти в цифровой среде как движение от нарративизации к формализации. Сама структура распределения типов текстов уже указывает на наличие двух конкурирующих режимов репрезентации прошлого: интерсубъективно переживаемого и институционально стандартизированного. Доминирование семейных нарративов (40,3%) и формальных записей (36,0%) при значительной доле смешанных форм (23,0%) свидетельствует о том, что платформа функционирует как переходная зона, в которой одновременно сосуществуют разные режимы памяти (рисунок 4).

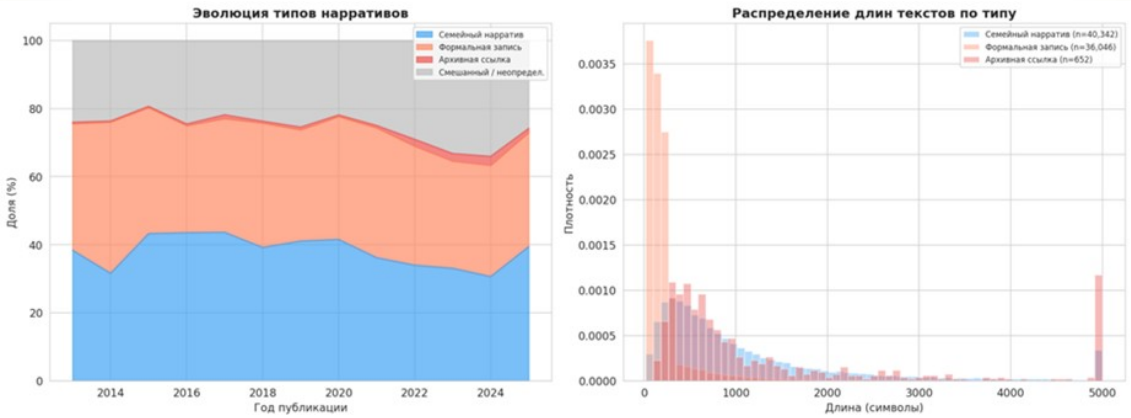

Рисунок 4. Эволюция типов нарративов на сайте «Бессмертный полк»:
(левая панель: распределение по годам, доля каждого типа;
правая панель: распределение длин текстов по типу)

Figure 4. Evolution of narrative types on the “Bessmertnyy polk” website:
(left panel: distribution by year, share of each type;
right panel: distribution of text lengths by type)

Анализ распределения длин текстов подтверждает принципиальное различие этих режимов. Семейные нарративы характеризуются существенно большей протяженностью (медиана 709 символов против 158 у формальных записей), что отражает их повествовательную природу: включенность в структуру рассказа, наличие субъекта высказывания, а также стремление к смысловой насыщенности через детали, эмоции и интерпретации. Формальные записи, напротив, демонстрируют редуцированную структуру, ориентированную на фиксацию фактов, дат и статусов. Статистически значимое различие указывает на устойчивость этого разделения, несмотря на высокий разброс текстовых данных. Таким образом, длина текста выступает операциональным

индикатором типа памяти: чем больше нарративная вовлеченность, тем выше степень развернутости текста. Динамика распределения типов по годам выявляет важную тенденцию: постепенное снижение доли семейных нарративов при одновременном росте формальных записей. Если в середине 2010-х гг. нарративные тексты составляли около 44%, то к 2024–2025 гг. их доля снижается до примерно 30%, тогда как формальные записи демонстрируют обратную динамику. Хотя статистическая сила связи между типом нарратива и годом невелика, сама направленность изменения устойчива и интерпретативно значима. Она отражает не случайные колебания, а структурный сдвиг в способах репрезентации прошлого.

Этот сдвиг может быть интерпретирован как эмпирическое подтверждение перехода от коммуникативной к культурной памяти о Великой Отечественной войне (Ассман, 2004). На ранних этапах существования платформы доминируют тексты, основанные на живой семейной передаче: рассказах, воспоминаниях, личных свидетельствах. Эти тексты сохраняют признаки устной традиции, даже будучи зафиксированными в письменной форме, они ориентированы на повествование, включают эмоциональную оценку и встроены в контекст семейной идентичности. В дальнейшем, по мере исчерпания ресурса непосредственной межпоколенческой передачи, возрастает роль архивных источников. Пользователи все чаще воспроизводят данные из институциональных цифровых платформ, что приводит к стандартизации языка и структуры текстов. Особое значение имеет наличие значительной доли смешанных текстов, которые демонстрируют гибридизацию этих режимов. В них сочетаются элементы личного рассказа и формализованных данных, что указывает на промежуточные формы памяти, возникающие в процессе цифровой медиатизации. Эти тексты могут рассматриваться как индикаторы перехода, в которых происходит адаптация личного опыта к требованиям платформенной стандартизации.

Анализ лексического разнообразия текстов на сайте «Бессмертный полк» показывает, что по мере развития платформы они становятся более стандартизированными и шаблонными. Если ранее это проявлялось в росте доли формальных записей, то метрика MATTR (Moving Average Type-Token Ratio) фиксирует ту же тенденцию уже на уровне словоупотребления (рисунок 5). Речь идет о постепенном ослаблении индивидуального речевого рисунка и усилении повторяемых языковых форм, характерных для институционализированной памяти.

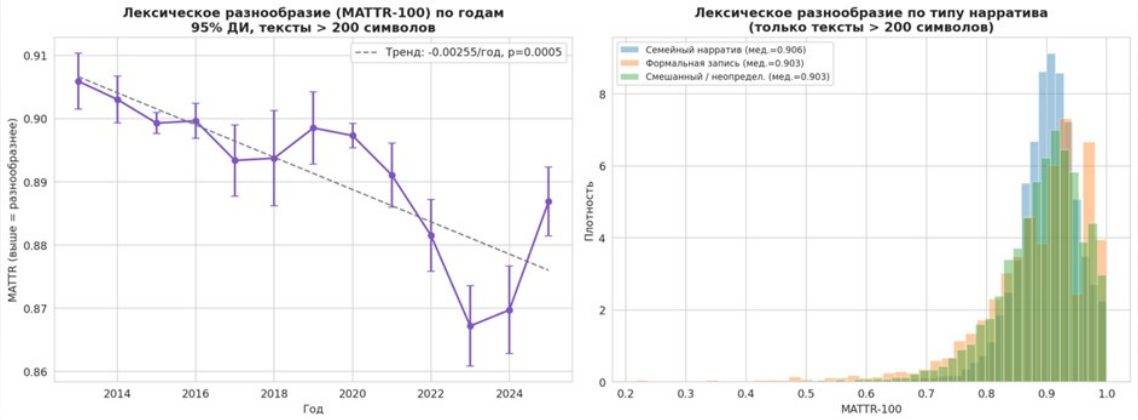

Рисунок 5. Лексическое разнообразие (MATTR-100) по годам на сайте «Бессмертный полк» (левая панель: оценка тренда с 95%-м доверительным интервалом (ДИ); правая: распределение MATTR по типу нарратива)

Figure 5. Lexical diversity (MATTR-100) by year on the “Bessmertnyy polk” website (left panel: trend estimation with 95% confidence interval (CI); right panel: MATTR distribution by narrative type)

Левая панель графика демонстрирует устойчивое снижение MATTR по годам. Если в 2013 г. средний уровень лексического разнообразия составлял около 0,905, то к 2023 г. он снизился примерно до 0,870. Линейный тренд показывает уменьшение MATTR на 0,00255 пункта в год при $p = 0{,}0005$ и $R^2 = 0{,}68$, что свидетельствует о статистически значимой долговременной динамике. Показанный на графике 95% доверительный интервал указывает на то, что данная оценка тренда является достаточно устойчивой и не сводится к случайным колебаниям выборки. Это значит, что поздние тексты оказываются менее лексически разнообразными, чем ранние, а язык памяти все чаще строится на ограниченном наборе устойчивых слов и формул.

Правая панель показывает, что семейные нарративы лишь немного разнообразнее формальных записей, медиана MATTR составляет 0,906 против 0,903. Различие статистически значимо, но содержательно невелико. Это важно, поскольку даже тексты с личным голосом уже во многом организованы общим военным словарем и повторяемыми мемориальными формулами. Следовательно, стандартизация затрагивает не только формальные карточки, но и семейные рассказы.

Содержательно это позволяет говорить о двойном процессе. С одной стороны, семейная память на платформе сохраняет нарративную функцию, так как пользователь стремится не просто сообщить факт, но рассказать историю, вписать предка в семейный и национальный контекст, артикулировать связь поколений. С другой стороны, сама цифровая среда задает условия, при которых этот рассказ все чаще строится с опорой на готовые речевые матрицы. Пользователь не просто вспоминает, а вспоминает в рамках уже существующего публичного языка памяти. Поэтому даже индивидуальный

рассказ постепенно начинает подчиняться повторяющимся формулам. В результате возникает особый тип платформенной памяти, в которой личное содержание выражается через стандартизированные языковые шаблоны.

Выводы

Семейная память в цифровую эпоху перестает быть исключительно приватной формой межпоколенческой передачи опыта и превращается в сложную медиатизированную практику, разворачивающуюся в социально-эпистемических аренах, где взаимодействуют пользователи, институты, платформы, алгоритмы и интерфейсы. Это означает, что память о прошлом, в том числе о Великой Отечественной войне, сегодня формируется прежде всего усилиями семьи как носителя коммуникативной традиции, но также и благодаря цифровым агентам, которые задают условия воспроизводства семейных воспоминаний. Тем самым семейная память включается в более широкий процесс цифрового конструирования прошлого, в котором личное воспоминание становится частью публичной, платформенно организованной и медиаопосредованной культурной памяти. Особенно наглядно эта трансформация проявляется в рассмотренных кейсах «Живая история» и «Бессмертный полк».

Платформа «Живая история» показывает, что цифровая среда может выступать механизмом вовлечения молодежи в практики семейного воспоминания, стимулируя перевод устных рассказов, семейных архивов и локальных биографий в письменный и публично доступный формат. Здесь цифровой агент действует как инфраструктура инициирования памяти. Конкурсный формат, тематическая рамка, интерфейс публикации и образовательная логика платформы побуждают автора не просто сообщить сведения о прошлом, а осмыслить их, оформить в нарратив и включить в символическое пространство гражданско-патриотической культуры. При этом сама структура платформы влияет на то, как именно память становится текстом, она поддерживает определенные жанры письма, поощряет мемориальную рефлексию и тем самым соучаствует в производстве семейной истории как социально значимого высказывания.

Кейс «Бессмертного полка» позволяет увидеть другой аспект этого процесса. Проект демонстрирует, как цифровая платформа превращается в масштабную инфраструктуру массовой коммеморации, в которой семейная память подвергается одновременно сохранению, типизации и стандартизации. Проведенный анализ показал, что на платформе сосуществуют разные режимы репрезентации прошлого: развернутый семейный нарратив, формальная биографическая запись и промежуточные гибридные формы. Однако в долгосрочной динамике выявляется отчетливая тенденция к снижению доли семейных нарративов и росту формализованных записей, а также к сокращению лексического разнообразия текстов. Это позволяет заключить, что по мере развития платформы и удаления от живой межпоколенческой

передачи семейная память все в большей степени опирается на архивные источники, повторяемые речевые формулы и институционально заданные шаблоны описания прошлого. Иными словами, цифровая платформа перестраивает сам способ создания семейных историй, а не просто выступает в роли архива.

В этом контексте цифровые агенты следует понимать в качестве активных участников конструирования семейной памяти. Именно они определяют, какие семейные истории будут опубликованы, в каком жанре они будут представлены, какие элементы прошлого окажутся более заметными, какие речевые формулы закрепятся как нормативные и какие способы воспоминания будут постепенно вытесняться. Платформенные интерфейсы направляют пользователя, архивные базы данных задают фактический каркас истории, алгоритмические механизмы поиска и сортировки упрощают доступ к информации, но одновременно способствуют унификации мемориального высказывания. В результате семейная память становится особой формой медиапамяти, где личное свидетельство включается в режимы платформенной видимости, публичного распространения и культурной стандартизации.

Заявления авторов

Согласие с политиками и положениями сетевого издания

Авторы были уведомлены и согласны с действующими политиками и положениями сетевого издания, изложенными на веб-сайте.

Оригинальность и эксклюзивность рукописи

Авторы подтверждают, что рукопись является оригинальной, ранее не публиковалась ни полностью, ни частично и не находится на рассмотрении для публикации в других изданиях.

Авторство и вклад (CRediT)

Артамонов Денис Сергеевич – разработка концепции исследования, теоретический анализ, написание теоретических разделов. Шилова Светлана Алексеевна – проведение эмпирического исследования, интерпретация и описание результатов

Политика в отношении препринтов и предыдущих версий

Авторы подтверждают, что нет препринта/рабочей версии.

Конфликт интересов

Конфликтов нет.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01261, https://rscf.ru/project/25-28-01261/

This research was funded by the Russian Science Foundation, grant no. 25-28-01261, https://rscf.ru/project/25-28-01261/

Использование генеративного ИИ и вспомогательных инструментов

Инструменты искусственного интеллекта не указаны в качестве авторов; любой вклад (редактирование текста, перевод, иллюстрации, код) описан в разделе «Методы»; точность, оригинальность и соблюдение прав проверены.

Разрешения на использование (тексты, изображения, карты, иллюстрации)

Все материалы, защищённые авторским правом, воспроизводятся с разрешения правообладателя; соблюдаются условия лицензии (включая Creative Commons).

Благодарности и вклады без авторства

Авторы выражают благодарность Тихоновой Софье Владимировне за концептуальное обсуждение темы исследования; Мельничуку Дмитрию Владимировичу за математическую и компьютерную обработку данных исследования, Тихонову Глебу Игоревичу за работу по сбору данных.

Список литературы

Barnwell, A., Neves, B. B., & Ravn, S. (2023). Captured and Captioned: Representing Family Life on Instagram**. *New Media & Society*, 25(5), 921–942. https://doi.org/10.1177/14614448211012791

Beer, D. (2017). The Social Power of Algorithms. *Information, Communication & Society*, 20(1), 1–13. https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1216147

Couldry, N., & Hepp, A. (2017). *The Mediated Construction of Reality*. John Wiley & Sons.

Covington, P., Adams, J., & Sargin, E. (2016). Deep Neural Networks for YouTube Recommendations. *Proceedings of the 10th ACM Conference on Recommender Systems*, 191–198. https://doi.org/10.1145/2959100.2959190

DaCosta, B. (2025). Speaking with the Past: Constructing AI-Generated Historical Characters for Cultural Heritage and Learning. *Heritage*, 8(9), 387. https://doi.org/10.3390/heritage8090387

Dijck, J. van, Poell, T., & de Waal, M. (2018). *The Platform Society: Public Values in a Connective World*. Oxford University Press.

Erll, A. (2011). *Memory in Culture*. Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230321670

Fricker, M. (2007). *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198237907.001.0001

Fuller, S. (2002). *Social Epistemology*. Indiana University Press.

Goldman, A. I. (1999). *Knowledge in a Social World*. Clarendon Press. https://doi.org/10.1093/0198238207.001.0001

Grønning, A. (2021). Micro-Memories: Digital Modes of Communication Across Three Generations. *Memory Studies*, 14(4), 733–746. https://doi.org/10.1177/1750698020959810

Helmond, A., & Van Der Vlist, F. N. (2019). Social Media and Platform Historiography: Challenges and Opportunities. *TMG Journal for Media History*, *22*(1), 6. https://doi.org/10.18146/tmg.434

Holloway, D., & Green, L. (2017). Mediated Memory Making: The Virtual Family Photograph Album. *Communications*, *42*(3). https://doi.org/10.1515/commun-2017-0033

Hoskins, A. (Ed.). (2018). *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315637235

Hoskins, A. (2024). AI and Memory. *Memory, Mind & Media*, 3, e18. https://doi.org/10.1017/mem.2024.16

Hutchins, E. (1995). *Cognition in the Wild*. MIT Press. https://doi.org/10.7551/mitpress/1881.001.0001

Jacobsen, B., & Beer, D. (2021). *Social Media and the Automatic Production of Memory: Classification, Ranking and the Sorting of the Past* (1st ed.). Bristol University Press. https://doi.org/10.46692/9781529218176

Jakubowicz, A. (2009). Remembering and Recovering Shanghai: Seven Jewish Families [Re]-connect in Cyberspace. In J. Garde-Hansen, A. Hoskins, & A. Reading (Eds.), *Save As … Digital Memories* (pp. 96–114). Palgrave Macmillan UK. https://doi.org/10.1057/9780230239418_6

Jones, J., & Ackerman, M. S. (2018). Co-constructing Family Memory: Understanding the Intergenerational Practices of Passing on Family Stories. *Proceedings of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*, 1–13. https://doi.org/10.1145/3173574.3173998

Kitchin, R. (2017). Thinking Critically About and Researching Algorithms. *Information, Communication & Society*, *20*(1), 14–29. https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1154087

Marselis, R. (2024). Colourising the Past: Digital Visual Repatriation of Colourised Sámi Photography. *Memory, Mind & Media*, 3, e16. https://doi.org/10.1017/mem.2024.9

O'Connor, C., & Weatherall, J. O. (2019). *The Misinformation Age: How False Beliefs Spread*. Yale University Press. https://doi.org/10.2307/j.ctv8jp0hk

Origgi, G. (2012). Epistemic Injustice and Epistemic Trust. *Social Epistemology*, *26*(2), 221–235. https://doi.org/10.1080/02691728.2011.652213

Petrelli, D., & Whittaker, S. (2010). Family Memories in the Home: Contrasting Physical and Digital Mementos. *Personal and Ubiquitous Computing*, 14(2), 153–169. https://doi.org/10.1007/s00779-009-0279-7

Reading, A. (2016). *Gender and Memory in the Globital Age*. Palgrave Macmillan UK. https://doi.org/10.1057/978-1-137-35263-7

Richardson-Walden, V. G., & Marrison, K. (2024). An Entangled Memoryscape: Holocaust Memory on Social Media. *Memory, Mind & Media*, 3, e23. https://doi.org/10.1017/mem.2024.15

Rodin, P., Ghersetti, M., & Odén, T. (2019). Disentangling Rhetorical Subarenas of Public Health Crisis Communication: A Study of the 2014–2015 Ebola Outbreak in the News Media and Social Media in Sweden. *Journal of Contingencies and Crisis Management*, *27*(3), 237–246. https://doi.org/10.1111/1468-5973.12254

Roued, H., Castenbrandt, H., & Revuelta-Eugercios, B. A. (2023). Search, Save and Share: Family Historians' Engagement Practices with Digital Platforms. *Archival Science*, 23(2), 187–206. https://doi.org/10.1007/s10502-022-09404-4

Артамонов, Д. С. (2022). Социально-эпистемические арены познания истории. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 22(3), 238–242. https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-238-242

Ассман, Я. (2004). *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Языки славянской культуры.

Бараш, Р. Э. (2021). Семейная память россиян перед вызовами настоящего времени. *Социально-политические науки*, 11(5), 13–26. https://doi.org/10.33693/2223-0092-2021-11-5-13-26

Гришечкина, Н. В., & Тихонова, С. В. (2018). Гражданская экспертиза и научное знание в цифровую эпоху. *Эпистемология и философия науки*, 55(2), 123–138. https://doi.org/10.5840/eps201855233

Ивкин, В. И. (2020). Информационные ресурсы открытого доступа, посвященные Великой Отечественной войне, и исторические исследования. *Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения*, (4), 21–28.

Коробицына, Л. В. (2022). Память о Великой Отечественной войне в интернет-пространстве российских социальных сетей. *История: Факты и символы*, (2), 108–114. https://doi.org/10.24888/2410-4205-2022-31-2-108-114

Отрокова, О. Ю. (2020). Архивные источники «Памяти народа» в цифровом формате: Структура и особенности. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, (11–1), 43-46. https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-11337

Тихонова, С. В., & Фролова, С. М. (2020). Историческая память и медиальный поворот: Цифровизация прошлого. *Вестник Поволжского института управления*, 20(4), 78–85. https://doi.org/10.22394/1682-2358-2020-4-78-85

Тощенко, Ж. Т. (2020). Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной войне? *Социологические исследования*, (5), 18–22.

Хальбвакс, М. (2007). *Социальные рамки памяти*. Новое издательство.

Шиповалова, Л. В. (2019). Распределенное познание и его границы в контексте публичной научной коммуникации. *Социология науки и технологий*, 10(3), 56–71. https://doi.org/10.24411/2079-0910-2019-13003

Щипко, В. Р. (2025). Социальные сети и платформы для популяризации историй о Великой Отечественной войне среди молодёжной аудитории. *Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования*, (21), 182–186. https://doi.org/10.36683/FP-21/182-186

** — принадлежит компании "Meta", признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ

References

Artamonov, D. S. (2022). Socio-Epistemic Arenas of Historical Cognition. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 22(3), 238–242. https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-238-242 (In Russian).

Assmann, J. (2004). *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*. Languages of Slavic Culture. (In Russian).

Barash, R. E. (2021). Family Memory of the Russia's Citizens in the Context of Actual Social Challenges. *Sociopolitical Sciences*, 11(5), 13–26. https://doi.org/10.33693/2223-0092-2021-11-5-13-26 (In Russian).

Barnwell, A., Neves, B. B., & Ravn, S. (2023). Captured and Captioned: Representing Family Life on Instagram**. *New Media & Society*, 25(5), 921–942. https://doi.org/10.1177/14614448211012791

Beer, D. (2017). The Social Power of Algorithms. *Information, Communication & Society*, 20(1), 1–13. https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1216147

Couldry, N., & Hepp, A. (2017). *The Mediated Construction of Reality*. John Wiley & Sons.

Covington, P., Adams, J., & Sargin, E. (2016). Deep Neural Networks for YouTube Recommendations. *Proceedings of the 10th ACM Conference on Recommender Systems*, 191–198. https://doi.org/10.1145/2959100.2959190

DaCosta, B. (2025). Speaking with the Past: Constructing AI-Generated Historical Characters for Cultural Heritage and Learning. *Heritage*, 8(9), 387. https://doi.org/10.3390/heritage8090387

Dijck, J. van, Poell, T., & de Waal, M. (2018). *The Platform Society: Public Values in a Connective World*. Oxford University Press.

Erll, A. (2011). *Memory in Culture*. Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230321670

Fricker, M. (2007). *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198237907.001.0001

Fuller, S. (2002). *Social Epistemology*. Indiana University Press.

Goldman, A. I. (1999). *Knowledge in a Social World*. Clarendon Press. https://doi.org/10.1093/0198238207.001.0001

Grishechkina, N. V., & Tikhonova, S. V. (2018). Civil Expertise of Scientific Knowledge in the Digital Era. *Epistemology & Philosophy of Science*, 55(2), 123–138. https://doi.org/10.5840/eps201855233 (In Russian).

Grønning, A. (2021). Micro-Memories: Digital Modes of Communication Across Three Generations. *Memory Studies*, 14(4), 733–746. https://doi.org/10.1177/1750698020959810

Halbwachs, M. (2007). The Social Frameworks of Memory. New Publishing House. (In Russian).

Helmond, A., & Van Der Vlist, F. N. (2019). Social Media and Platform Historiography: Challenges and Opportunities. *TMG Journal for Media History*, 22(1), 6. https://doi.org/10.18146/tmg.434

Holloway, D., & Green, L. (2017). Mediated Memory Making: The Virtual Family Photograph Album. *Communications*, 42(3). https://doi.org/10.1515/commun-2017-0033

Hoskins, A. (2024). AI and Memory. *Memory, Mind & Media*, 3, e18. https://doi.org/10.1017/mem.2024.16

Hoskins, A. (Ed.). (2018). *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315637235

Hutchins, E. (1995). *Cognition in the Wild*. MIT Press. https://doi.org/10.7551/mitpress/1881.001.0001

Ivkin, V. I. (2020). Open-Access Information Resources Devoted to the Great Patriotic War and Historical Research. Humanitarian Bulletin of the Military Academy of the Strategic Missile Forces, (4), 21–28. (In Russian).

Jacobsen, B., & Beer, D. (2021). *Social Media and the Automatic Production of Memory: Classification, Ranking and the Sorting of the Past* (1st ed.). Bristol University Press. https://doi.org/10.46692/9781529218176

Jakubowicz, A. (2009). Remembering and Recovering Shanghai: Seven Jewish Families [Re]-connect in Cyberspace. In J. Garde-Hansen, A. Hoskins, & A. Reading (Eds.), *Save As … Digital Memories* (pp. 96–114). Palgrave Macmillan UK. https://doi.org/10.1057/9780230239418_6

Jones, J., & Ackerman, M. S. (2018). Co-constructing Family Memory: Understanding the Intergenerational Practices of Passing on Family Stories. *Proceedings of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*, 1–13. https://doi.org/10.1145/3173574.3173998

Kitchin, R. (2017). Thinking Critically About and Researching Algorithms. *Information, Communication & Society*, 20(1), 14–29. https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1154087

Korobitsyna, L. V. (2022). Memory of the Great Patriotic War in the Internet Space of Russian Social Networks. *History: Facts and Symbols*, (2), 108–114. https://doi.org/10.24888/2410-4205-2022-31-2-108-114 (In Russian).

Marselis, R. (2024). Colourising the Past: Digital Visual Repatriation of Colourised Sámi Photography. *Memory, Mind & Media*, 3, e16. https://doi.org/10.1017/mem.2024.9

O'Connor, C., & Weatherall, J. O. (2019). *The Misinformation Age: How False Beliefs Spread*. Yale University Press. https://doi.org/10.2307/j.ctv8jp0hk

Origgi, G. (2012). Epistemic Injustice and Epistemic Trust. *Social Epistemology*, 26(2), 221–235. https://doi.org/10.1080/02691728.2011.652213

Otrokova, O. Yu. (2020). Archival Sources on the History of the Great Patriotic War in Digital Format: Structure and Features. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, (11–1), 43–46. https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-11337 (In Russian).

Petrelli, D., & Whittaker, S. (2010). Family Memories in the Home: Contrasting Physical and Digital Mementos. *Personal and Ubiquitous Computing*, 14(2), 153–169. https://doi.org/10.1007/s00779-009-0279-7

Reading, A. (2016). *Gender and Memory in the Globital Age*. Palgrave Macmillan UK. https://doi.org/10.1057/978-1-137-35263-7

Richardson-Walden, V. G., & Marrison, K. (2024). An Entangled Memoryscape: Holocaust Memory on Social Media. *Memory, Mind & Media*, 3, e23. https://doi.org/10.1017/mem.2024.15

Rodin, P., Ghersetti, M., & Odén, T. (2019). Disentangling Rhetorical Subarenas of Public Health Crisis Communication: A Study of the 2014–2015 Ebola Outbreak in the News Media and Social Media in Sweden. *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 27(3), 237–246. https://doi.org/10.1111/1468-5973.12254

Roued, H., Castenbrandt, H., & Revuelta-Eugercios, B. A. (2023). Search, Save and Share: Family Historians' Engagement Practices with Digital Platforms. *Archival Science*, 23(2), 187–206. https://doi.org/10.1007/s10502-022-09404-4

Shchipko, V. R. (2025). Social Networks and Platforms for Popularization of Events of the Great Patriotic War Among the Youth Audience. *Education and Science Without Borders: Fundamental and Applied Research*, (21), 182–186. https://doi.org/10.36683/FP-21/182-186 (In Russian).

Shipovalova, L. V. (2019). Distributed Cognition and its Boundaries in the Context of Public Science Communication. *Sociology of Science and Technology*, 10(3), 56–71. https://doi.org/10.24411/2079-0910-2019-13003 (In Russian).

Tikhonova, S. V., & Frolova, S. M. (2020). Historical Memory and the Medial Turn: Digitalization of the Past. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 20(4), 78–85. https://doi.org/10.22394/1682-2358-2020-4-78-85 (In Russian).

Toshchenko, Zh. T. (2020). What is Happening to Historical Memory of the Great Patriotic War? Sociological Studies, (5), 18–22. (In Russian).

** — owned by Meta, an organization recognized as extremist and banned in the Russian Federation